

УДК 347.77+347.78
DOI 10.52452/19931778_2023_2_90

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

© 2023 г.

А.А. Богустов,¹ А.В. Ёриш²

¹Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

²Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва

bogustov_aa@grsu.by

Поступила в редакцию 15.01.2023

Исследуются вопросы систематизации законодательства об интеллектуальной собственности. Анализируются предпосылки, проблемы и возможные результаты создания кодекса интеллектуальной собственности. Указываются основные задачи, которые необходимо решить в процессе разработки такой кодификации.

Ключевые слова: систематизация, кодификация, интеллектуальная собственность, гражданское законодательство, авторское право, право промышленной собственности.

Одной из универсальных тенденций развития отношений интеллектуальной собственности является появление новых объектов, вовлекаемых в гражданский оборот при отсутствии адекватного нормативного регулирования. Да и в целом сфера интеллектуальной собственности динамично изменяется, что во многом вызвано тотальной цифровизацией всех сфер общественной жизни. Это вызывает потребность в совершенствовании действующего законодательства, в том числе упорядочивании и приведении его в единую систему.

Более 20 лет назад, говоря о необходимости модернизации законодательства об интеллектуальной собственности, В.А. Дозорцев писал: «Современный уровень развития общественных отношений привел к тому, что результаты интеллектуальной деятельности стали не менее активными объектами экономического оборота, чем результаты материального производства. Объектом экономического оборота стали практически все виды интеллектуальных продуктов. При этих условиях не может остаться неизменной общая система правового обеспечения экономического оборота» [1, с. 394].

Одним из возможных путей совершенствования правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности является кодификация законодательства, функция которой заключается в обобщении действующего законодательства и установлении принципов его дифференциации. Однако, систематизируя и кодифицируя законодательство, необходимо обратить внимание на пересечения права интеллектуальной собственности с иными отраслями российского права, прежде всего с административным правом.

1. Ратуя за проведение систематизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, нельзя игнорировать тот факт, что среди теоретиков права нет единства мнений как в отношении содержания термина «кодификация», так и в отношении модели ее осуществления. В то же время в литературе выделяют две основные модели кодификации: германскую и французскую [2, с. 10–35].

Французская модель характеризуется обеспечением «такого положения, чтобы создаваемые кодексы выступали бы если не единственным, то, безусловно, доминирующим источником права, регламентирующим определенную сферу общественных отношений» [3, с. 78]. Во французской модели кодекс выступает максимально исчерпывающим актом, не требующим дополнительных источников правового регулирования.

При этом нормативные положения, составляющие содержание кодекса, должны быть изложены максимально простым языком, таким образом, чтобы быть доступными не только профессионалам, но и обычным гражданам, а толкование норм, понимание их смысла было бы у всех людей одинаковое.

Что же касается структуры кодекса, то французские кодификаторы используют институциональную структуру. Кодифицированный акт не делится на общую и особенную части, а повторяет структуру отрасли, включая в себя разделы о субъектах права, об объектах права и об отношениях по поводу этих объектов.

Ярким результатом кодификации в сфере интеллектуальной собственности является Кодекс интеллектуальной собственности Франции, который являет собой полную и исчерпываю-

шую систематизацию правового регулирования указанной сферы общественной жизни.

Германская модель существенным образом отличается от французской, прежде всего, тем, что использует пандектную систему расположения норм. Это проявляется не только в выделении общей и особенных (специальных) частей, а также в разделении материальных и процессуальных норм.

Следует отметить ещё одну яркую черту германской модели кодификации: «Создание кодекса на основе исследуемой германской методики предполагает возможность и даже необходимость существования иных, кроме кодекса, законодательных актов, дополняющих и конкретизирующих этот кодекс. Именно такие законы (и иные нормативные правовые акты) делают предписания кодекса более полными и более конкретными, исчерпывающе определенными для непосредственного установления поведения субъектов правоотношений. Кодекс в таких условиях выступает не как единственный или доминирующий в определенной области, а как базовый источник права, не исчерпывающий, а направляющий правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений» [4, с. 159].

Язык германской модели кодификации тяготеет к доктринальности и профессиональной терминологии, следовательно, рассчитаны нормативные правовые акты, созданные по германской модели кодификации, на профессиональное толкование.

Германская модель кодификации эффективна, «когда осуществляется в отношении нормативных правовых актов, выражающих нормы права, принадлежащие к давно выделившимся, имеющим длительную историю существования и изучения отраслям права, привлекающих к себе внимание ученых-правоведов в течение уже достаточно длительного периода» [4, с. 159]. Именно германская модель кодификации была использована при создании в странах – членах Евразийского экономического союза (например, в России и Беларуси) Гражданского и Уголовного кодексов.

2. Если обратиться к мировому опыту систематизации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, то можно увидеть ее разнообразие. Так, ряд государств пошли по пути создания отдельного кодекса интеллектуальной собственности (Франция, Шри-Ланка, Филиппины); другие избрали двухуровневую систематизацию норм об интеллектуальной собственности в гражданском кодексе и специальных законах (Италия, Беларусь, Киргизия, Узбекистан); третьи – систематизацию норм об

интеллектуальной собственности в иных кодексах (Code of Economic Law, Бельгия). Некоторые страны остановились на принятии только специальных законов, в том числе кодексов, по отдельным институтам в сфере интеллектуальной собственности (Code of Copyright and Related Rights (Португалия); в большинстве стран Европейского союза приняты специальные законы, регулирующие отдельные вопросы интеллектуальной собственности).

Кроме того, современные авторы отмечают, что «в ряде государств – членов ВОИС действуют международные соглашения, представляющие собой систематизированные (кодифицированные) акты, регулирующие вопросы интеллектуальной собственности.

На территории 17 государств (Республика Бенин, Буркина-Фасо, Республика Камерун, Центральноафриканская Республика, Республика Чад, Республика Конго, Республика Кот-д'Ивуар, Габонская Республика, Гвинейская Республика, Республика Гвинея-Бисау, Республика Экваториальная Гвинея, Республика Мали, Исламская Республика Мавритания, Республика Нигер, Республика Сенегал, Тоголезская Республика, Союз Коморских Островов) действует Бангийское соглашение о создании Африканской организации интеллектуальной собственности ... от 14 декабря 2015 года, которое содержит положения, касающиеся различных объектов интеллектуальной собственности, охраняемых в государствах-участниках Бангийского соглашения» [5, с. 49].

Что же касается России, то она избрала исчерпывающую регламентацию интеллектуальной собственности в разделе Гражданского кодекса (далее – ГК РФ), что является уникальным подходом.

В действующем праве государств постсоветского пространства идея создания самостоятельного кодифицированного акта в сфере интеллектуальной собственности не нашла практического воплощения. И это при том, что на уровне рекомендательных актов подобный подход уже реализован в Модельном кодексе интеллектуальной собственности (далее – Модельный кодекс) [6]. Соглашаясь с тем, что модельное законодательство призвано «выполнять функцию определенного нормативно-ориентирующего стандарта» [7, с. 140], можно прийти к заключению, что самостоятельный кодекс признается в качестве одной из возможных перспектив развития национальных правовых систем государств-участников СНГ в сфере интеллектуальной собственности.

Для целей настоящего исследования необходимо обратить внимание на то, что создание

рекомендательных актов – частное проявление процесса моделирования, представляющего собой «отображение свойств и отношений реального объекта на специально созданном для этого материальном или идеальном объекте» [8, с. 338]. То есть анализ Модельного кодекса способен выявить те черты, которые могут характеризовать и процесс кодификации национального законодательства в этой сфере.

Рассматривая Модельный закон как частное проявление процесса моделирования, нужно исходить из того, что модель «может служить средством выявления закономерностей развития объекта исследования..., может играть роль эталона... или концентрироваться на представлении особенностей осуществления динамических процессов» [9, с. 334]. Из этого следует, что значение Модельного кодекса для выбора оптимальной модели систематизации законодательства об интеллектуальной собственности нельзя понимать упрощенно. Он не только способен быть образцом для формирования национального законодательства, но и позволяет выявить те проблемы, которые могут возникнуть в ходе этого процесса.

Анализ Модельного кодекса с этой точки зрения представляется тем более актуальным в связи с тем, что перспектива создания самостоятельных кодексов интеллектуальной собственности обсуждается в некоторых постсоветских странах. Например, белорусский цивилист В.А. Богоненко пишет, что «назрела необходимость рассмотреть целесообразность кодификации законодательства об интеллектуальной собственности, как, например, это было сделано ранее во Франции, и соответственно исключить нормы об интеллектуальной собственности из Гражданского кодекса» [10, с. 96]. При этом вопрос о необходимости разработки и принятия Кодекса об интеллектуальной собственности дискутируется в Республике Беларусь уже более десяти лет [11]. В ходе ее высказывались мнения как в пользу создания этого акта [5, 12], так и отрицающие его необходимость [13, 14].

При этом в числе мероприятий по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [15] упомянута выработка научно обоснованных предложений «для формирования проекта концепции Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности (в случае принятия решения о ее разработке)». А в результате проведенных в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь изысканий был обоснован вывод о необходимости кодификации законодательства Республики Беларусь в обозначенной сфере и

разработан проект концепции проекта Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности [16].

Сказанное позволяет заключить, что в Беларуси начинают предприниматься практические шаги по кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности, направленные на разработку одноименного Кодекса.

3. Рассматривая необходимость принятия Кодекса интеллектуальной собственности в качестве самостоятельного кодифицированного акта или обосновывая отсутствие такой необходимости, важно ответить на вопрос: окажется ли это полезным для правовой системы в целом, имеются ли для этого серьезные теоретические и практические предпосылки? Эти решения в итоге определяют направление систематизации законодательства.

3.1. В российской цивилистической доктрине право интеллектуальной собственности рассматривалось как раздел, а затем подотрасль [17, с. 5] гражданского права (наряду с вещным и обязательственным правом). Этот конститутивный момент оказал своё влияние на систематизацию законодательства. Кодификация российского законодательства об интеллектуальной собственности осуществлялась в рамках работы по кодификации гражданского законодательства, а не в целях создания самостоятельного кодекса интеллектуальной собственности.

Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности была довольно долгой и дискуссионной, а ее результат – часть 4 ГК РФ – является нетипичным для большинства постсоветских стран, для которых характерна двухуровневая регламентация этих отношений – кодексом и специальными законами. Как известно, в части четвертой ГК РФ реализован подход, предполагающий объединение всех норм об интеллектуальной собственности.

Возражая против использования такого подхода, В.А. Дозорцев писал: «Неправильно выстраивать один раздел ГК по одной схеме, в то время как систематизация остальных разделов базируется на других принципах, это привело бы только к разрушению единства гражданского права» [1, с. 362].

Кроме того, по справедливому утверждению В.А. Дозорцева, «исчерпывающая регламентация интеллектуальных прав в ГК неизбежно окажется минимально подвижной и мобильной, что никак не соответствует потребностям бурно развивающейся сферы» [1, с. 362–363]. Более того, он видел исчерпывающую регламентацию как исключение, «применимое в сферах, где отсутствует – не требуется или не накоплен – обширный законодательный материал граждан-

ского права. В принципе гражданское право строится и может строиться только на многоуровневой основе. Интеллектуальные права не составляют исключения» [1, с. 363].

Однако в дальнейшем российский законодатель пошел по пути полной кодификации, посчитав, что он позволит избежать дублирования одних и тех же положений в разных законах, упростит правоприменение и повысит авторитетность норм части 4 ГК РФ.

Вместе с тем, несмотря на попытку осуществления полной кодификации, в четвертую часть ГК РФ не вошли, в частности, нормы, регулирующие вопросы использования объектов права интеллектуальной собственности в сети Интернет; нормы, регламентирующие возложение ответственности в виде блокирования сайтов, содержащих нелегальный контент и нарушающих авторские права.

В то же время следствием реализации рассматриваемого подхода стало включение в ГК РФ правовых норм, не относящихся к предмету и методу гражданского законодательства и не являющихся нормами гражданского права, а носящих публичный характер (в частности, норм, определяющих компетенцию федеральных органов исполнительной власти). Наличие таких норм в системе ГК РФ переводят его в разряд комплексных, а не отраслевых нормативных правовых актов [18].

Такая ситуация свидетельствует о том, что задача полной кодификации не может считаться выполненной. На эту проблему обращал внимание С.С. Лосев, обосновывая потребность разработки самостоятельного кодифицированного акта: «...право интеллектуальной собственности объединяет нормы, имеющие разную отраслевую принадлежность; это наиболее актуально для законодательства о промышленной собственности, нормы которого в части выполняемых патентным органом процедур относятся к административному праву» [11, с. 325].

Между тем обозначенные проблемы в принципе не характерны для стран, в которых используется двухуровневая систематизация норм об интеллектуальной собственности в гражданском кодексе и специальных законах. Поэтому в белорусском праве, в котором отношения по поводу интеллектуальной собственности регламентируются на двух уровнях – кодексом и специальными законами, в разделе V «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) административные предписания практически отсутствуют. То есть проблема включения в Гражданский кодекс норм различной отраслевой принадлежности в белорусском праве не

стоит настолько остро, что для ее решения необходимо создание самостоятельного кодекса. Это позволяет предположить и то, что отказ от механизма исчерпывающего регулирования отношений интеллектуальной собственности (реализованного в ГК РФ) позволит значительно снизить количество содержащихся в кодексе административных предписаний.

Вследствие сказанного мотив устранения административно-правовых предписаний из гражданского кодекса не имеет ключевого значения для положительного решения вопроса о создании в странах, использующих двухуровневую систему законодательства в этой области, самостоятельного Кодекса интеллектуальной собственности.

Более того, само по себе принятие подобного кодекса может и вовсе не привести к устранению двухуровневой системы. К такому выводу приводит анализ ст. 2 Модельного кодекса, предусматривающей, что законодательство государств-участников СНГ в этой сфере включает в себя «национальные кодексы, законы и иные нормативные правовые акты, направленные на охрану личных неимущественных и имущественных прав субъектов права интеллектуальной собственности». То есть Модельный кодекс изначально не претендует на исчерпывающее правовое регулирование этих отношений.

3.2. Разработка и принятие Кодекса интеллектуальной собственности на национальном уровне может быть оправдана только тогда, когда этот процесс приведет к выполнению присущих кодификации функций. В теории права признается, что кодификация – это систематизация законов, «которая связана с переработкой их по существу на основе единых принципов» [19, с. 186], «при которой происходит коренная переработка нормативного материала, объединение его в новые, единые, внутренне систематизированные нормативные правовые акты» [20, с. 360]. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли Кодекс интеллектуальной собственности не только объединить существующие законы, но и существенно их переработать, подняв правовое регулирование в этой сфере на новый уровень.

В связи с этим можно согласиться с мнением Т.Я. Хабриевой о том, что «кодификация законодательства необходима для обеспечения нормального функционирования механизма правового регулирования, но она должна быть не целью, а средством построения целостной, согласованной системы правовых актов» [21, с. 35].

Уточнения, структурирование текста, редактирование и проч. едва ли можно признать кодификацией. До настоящего времени не теряет

актуальности мысль, высказанная А.П. Сергеевым в начале 2000-х годов, о том, что «реализация идеи полной кодификации норм об интеллектуальной собственности в составе части четвертой ГК РФ ... затруднит оперативное внесение изменений в регулирование отношений интеллектуальной собственности, которые развиваются достаточно динамично» [22].

В настоящее время мы видим практическое подтверждение высказанного тезиса. Сфера интеллектуальной собственности, действительно, одна из самых динамичных. Среди тенденций ее развития можно обратить внимание на усложнение структурных связей субъектов интеллектуальной собственности, на появление новых объектов, которые оказываются за пределами правового регулирования, в частности аккаунты пользователей социальных сетей, на появление новых форм ранее традиционных объектов. При этом законодатель не может оставаться в стороне от этих процессов и старается вовлечь новые объекты в орбиту правового регулирования [23].

Предвидя появление новых, ранее неизвестных объектов интеллектуальной собственности, В.А. Дозорцев писал: «Дифференциация в законодательстве по-прежнему важна, но нужны общие положения и установление единой его системы, которая, прежде всего, определяла бы соотношение отдельных его частей и основные исходные положения каждой такой части. Таковую объединяющую и обобщающую функцию должен выполнять Гражданский кодекс Российской Федерации, принципиальные положения которого подлежат развитию в специальных законах, относящихся к отдельным видам интеллектуального продукта» [1, с. 57].

В странах континентальной правовой семьи кодификация выполняет три основные функции: системообразующую, нормотворческую и интеграционную. Особенностью кодификации является также то, что она осуществляется на базе действующего законодательного материала, предполагая критический анализ последнего.

Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь сделан вывод о том, что «предполагаемая структура кодекса должна включать общие положения, в которых будет определена система охраняемых объектов права интеллектуальной собственности, правовая природа исключительных прав в отношении этих объектов, особенности распоряжения этими правами и особенности их защиты, а также специальные положения, определяющие правовой статус отдельных объектов права интеллектуальной собственности» [16].

С учетом того, что круг объектов интеллектуальной собственности широк, порядок возникновения прав различен, а субъективные права разнородны, можно сделать вывод, что достижение целей кодификации законодательства в этой области возможно лишь при условии полноты и непротиворечивости общей части (общих положений) Кодекса интеллектуальной собственности.

Между тем проблемы обеспечения соответствия этим критериям обнаруживаются при анализе даже Модельного кодекса.

Во-первых, исходя из «обязанности» всякого кодекса, его общая часть должна содержать правила, в той или иной степени применимые ко всем отношениям, урегулированным этим актом. Например, Т.В. Гавашели, характеризуя выделение общей и особенной части в кодексах, подчеркивает: «Такая структура позволяет обеспечить единство общих положений и более тесную логическую связь между ними... Положения, изложенные в общей части кодекса, выступают как базовые начала не только для самого кодекса, но и для иных нормативных правовых актов, регулирующих схожие отношения» [24, с. 31].

Но в общих положениях Модельного кодекса присутствуют нормы, не имеющие такого характера. Например, установленное в п. 3 ст. 11 этого Кодекса положение о переходе в общественное достояние объекта интеллектуальной собственности по истечении срока действия имущественных прав неприменимо к средствам индивидуализации. Также в отношении их не действуют правила о служебном объекте права интеллектуальной собственности (ст. 16) и объекте, созданном по заказу (ст. 17). Только в отношении авторского права и смежных прав применимы положения ст. 18 о коллективном управлении правами, а к праву промышленной собственности – предписания ст. 19 о патентных поверенных.

Во-вторых, значительную часть общих положений Модельного кодекса составляют нормы отсылочного характера, которые не только не закрепляют базовых правил, относящихся ко всем институтам права интеллектуальной собственности, но и имеют настолько общий характер, что не позволяют вообще уяснить особенности регулирования в этой области. Например, ст. 8 Кодекса предусмотрено, что право интеллектуальной собственности возникает (приобретается), исходя из оснований, установленных «Кодексом, другим законом или договором». Из п. 2 ст. 11 Кодекса следует, что «сроки действия имущественных прав в отношении отдельных объектов интеллектуальной

собственности, порядок их исчисления, основания и порядок их продления или восстановления, а также основания и порядок досрочного прекращения действия таких прав устанавливаются настоящим Кодексом, другими законами или договорами». Закрепляя порядок использования объекта интеллектуальной собственности, Модельный кодекс провозглашает, что они определяются «настоящим Кодексом и иными законами» (п. 1 ст. 12). Причем приведенными примерами вовсе не исчерпываются случаи использования норм отсылочного характера в общих положениях Модельного кодекса.

Представляется, что обозначенные проблемы снижают значение этой части Модельного кодекса, что в свою очередь вызывает вопросы о практической необходимости подобной кодификации. В случае принятия решения о разработке Кодекса интеллектуальной собственности на национальном уровне преодоление указанных затруднений технико-юридического характера будет иметь ключевое значение.

4. Сложности вызывает и вопрос о месте Кодекса интеллектуальной собственности в системе национального законодательства. Анализ содержания Модельного кодекса позволяет сделать вывод о том, что на практике такой нормативный акт не может существовать без Гражданского кодекса и носит вторичный по отношению к нему характер. Это связано с тем, что ряд ключевых понятий (например, объект права, субъект права, собственность, договор, ответственность, сроки и др.) используются в Модельном кодексе, но не определяются им. Очевидно, что для установления их содержания необходимо обратиться к положениям Гражданского кодекса. В этой ситуации регулятивное значение кодифицированного акта в сфере интеллектуальной собственности и, соответственно, практическая целесообразность его принятия в существенной степени снижаются.

Для многих стран постсоветского пространства характерно строгое отраслевое деление права и законодательства, концепт которого был заложен в конце 1930-х, став основой систематики правовых норм. Вследствие этого возникают сомнения в широком использовании французской модели кодификации законодательства об интеллектуальной собственности.

Более того, Модельный кодекс прямо не называет принципы, на основании которых осуществляется правовое регулирование. Хотя анализ содержания этого документа позволяет заключить, что регламентация отношений интеллектуальной собственности базируется на началах неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произволь-

ного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Между тем такие принципы выступают основными началами гражданского законодательства, признаваемыми правом Беларуси (ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси) и России (п. 1 ст. 1 ГК РФ). При этом юридические принципы – это «основные начала, характеризующие особенности данной системы права, в них выражены главенствующие идеи, пронизывающие все ее клетки и клеточки, структурные подразделения» [25, с. 263]. Таким образом, совпадают главенствующие идеи, на которых должно базироваться регулирование отношений Гражданским кодексом и Кодексом интеллектуальной собственности.

Сказанное позволяет утверждать, что, несмотря на существование самостоятельных кодексов интеллектуальной собственности, опыт их разработки и принятия должен подвергаться критическому анализу. Само по себе существование подобных актов может быть вызвано лишь необходимостью в существенной модернизации правового регулирования отношений интеллектуальной собственности. Решение же частных задач, таких как выведение норм административно-правового характера из содержания гражданских кодексов, может быть достигнуто и без создания специального кодекса интеллектуальной собственности.

Анализ модельного законодательства позволяет сделать вывод о том, что наиболее сложной проблемой в процессе создания кодифицированного акта об интеллектуальной собственности является выработка доктринально обоснованной и логически непротиворечивой общей части (общих положений) такого Кодекса. Решение этой задачи осложнено многочисленностью объектов права интеллектуальной собственности, разнородностью субъективных прав и отличиями в порядке их реализации и возникновения. Но без этого Кодекс интеллектуальной собственности будет представлять, по сути, лишь консолидацию действующих в этой области разнородных законов и не сможет выполнять свойственных актам подобного рода функций.

Вышесказанное позволяет утверждать, что даже в условиях возможного существования самостоятельного кодекса интеллектуальная собственность остаётся подотраслью гражданского права, а сам Кодекс интеллектуальной собственности будет иметь вторичный по отношению к Гражданскому кодексу характер.

Список литературы

1. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. М.: Статут, 2003. 416 с.
2. Богустов А.А., Глонина В.Н., Рожкова М.А. и др. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография / Под общ. ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.
3. Чухвичев Д.В. Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 75–80.
4. Чухвичев Д.В. Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 157–160.
5. Ковалевская Т.В. Анализ подходов по систематизации (кодификации) законодательства в сфере интеллектуальной собственности в зарубежных странах // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. С. 48–52.
6. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ от 7 апреля 2010 г. № 34-6 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2010. № 47.
7. Бехруз Х. Сравнительное правоведение. Одесса: Феникс; М.: ТрансЛит, 2008. 504 с.
8. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
9. Пономарева А.И., Суворова А.В. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12–2. С. 233–237.
10. Богоненко В.А. Интегрирование новых институтов в гражданском праве Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2021. № 5. С. 93–99.
11. Лосев С.С. Перспективы кодификации законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Минск, 2011. С. 324–325.
12. Лосев С.С. К вопросу о концепции развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новополоцк, 2019. С. 81–85.
13. Ландо Д.Д. К вопросу о кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Государство и право в XXI веке: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2021. С. 506–508.
14. Иванова Д.В. Развитие системы законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 3. С. 60–68.
15. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22100672> (дата обращения: 12.01.2023).
16. Правовой механизм построения инновационной модели экономики и актуальные проблемы права интеллектуальной собственности: отчет о НИР в двух частях: «Экономика и общество 4.04» / Национальный центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; рук. С.С. Лосев. URL: <http://center.gov.by/4-04/> (дата обращения: 12.01.2023).
17. Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 3–13.
18. Лахман А.Г. Новеллы кодификации интеллектуальной собственности: плюсы и минусы // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 3. С. 173–180.
19. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М.: Юр. издат. НКЮ СССР, 1940. 305 с.
20. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2013. 634 с.
21. Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Графика, 2009. С. 26–37.
22. Сергеев А.П. Часть четвертая ГК РФ: за и против // Корпоративный юрист. 2006. № 6 (Доступ из системы «Гарант»).
23. О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): Проект федерального закона № 126586-8. URL: <https://base.garant.ru/77150328/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f> (дата обращения: 12.01.2023).
24. Гавашели Т.В. Систематизация законодательства в Германии // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 29–34.
25. Калмыков Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства // Избранное: Труды. Статьи. Выступления. М.: Статут, 1998. С. 261–273.

**SYSTEMATIZATION OF INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION:
CHOOSING THE OPTIMAL MODEL**

A.A. Bogustov, A.V. Yorsh

The article examines the issues of systematization of intellectual property law. The background, problems, and possible results of creation of intellectual property code are analyzed. The main tasks to be accomplished in the process of developing such codification are indicated

Keywords: systematization, codification, intellectual property, civil law, copyright, industrial property law.

References

1. Dozortsev V.A. Intellectual rights: Concept. System. Tasks of codification: Collection of articles. M.: Statute, 2003. 416 p.
2. Bogustov A.A., Glonina V.N., Rozhkova M.A. and others. The civilistic concept of intellectual property in the system of Russian law: Monograph / Under the general editorship of M. A. Rozhkova. M.: Statute, 2018. 271 p.
3. Chukhvicev D.V. Basic methods of codification. French School // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 8. P. 75–80.
4. Chukhvicev D.V. Basic methods of codification. German School // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 9. P. 157–160.
5. Kovalevskaya T.V. Analysis of approaches to systematization (codification) of legislation in the field of intellectual property in foreign countries // Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice: Electronic collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Novopolotsk: Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, 2022. P. 48–52.
6. Model Code of Intellectual Property for CIS Member States dated April 7, 2010 № 34-6 // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States. 2010. № 47.
7. Behruz H. Comparative law. Odessa: Phoenix; M.: TransLit, 2008. 504 p.
8. Philosophical Dictionary / Edited by I.T. Frolov. M.: Republic, 2001. 719 p.
9. Ponomareva A.I., Suvorova A.V. Modeling as a method of scientific cognition: content and typology // Economics and Business: theory and practice. 2020. № 12-2. P. 233–237.
10. Bogonenko V.A. Integration of new institutions in the civil law of the Republic of Belarus // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2021. № 5. P. 93–99.
11. Losev S.S. Prospects of codification of the legislation of the Republic of Belarus on intellectual property // Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, innovation, sustainability: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference Vol. 2. Minsk, 2011. P. 324–325.
12. Losev S.S. On the concept of development of the legislation of the Republic of Belarus on intellectual property // Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Novopolotsk, 2019. P. 81–85.
13. Lando D.D. On the issue of codification of the law on intellectual property // State and Law in the XXI century: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of the Faculty of Law of the Belarusian State University. Minsk: BSU, 2021. P. 506–508.
14. Ivanova D.V. Development of the system of legislation of the Republic of Belarus on intellectual property // Journal of the Belarusian State University. Law. 2020. № 3. P. 60–68.
15. The Strategy of the Republic of Belarus in the field of intellectual property until 2030: The Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus № 672 dated November 24, 2021. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22100672> (Date of access: 12.01.2023).
16. The legal mechanism for building an innovative model of the economy and current problems of intellectual property law: a report on research in two parts: "Economy and Society 4.04" / National Center for Legislation and Legal Research Rep. Belarus; head S.S. Losev. URL: <http://center.gov.by/4-04/> (Date of access: 12.01.2023).
17. Yakovlev V.F., Makovsky A.L. About the fourth part of the Civil Code of Russia // Journal of Russian Law. 2007. № 2. P. 3–13.
18. Lakhman A.G. Novellas of intellectual property codification: pros and cons // Power and management in the East of Russia. 2008. № 3. P. 173–180.
19. Golunsky S.A., Strogovich M.S. Theory of state and law. M.: Legal Publishing House. NKYu USSR, 1940. 305 p.
20. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law. M.: Yurayt, 2013. 634 p.
21. Khabrieva T.Ya. Codification of Russian legislation in the conditions of a federal state // Codification of legislation: theory, practice, technique: Materials of the International scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: Graphics, 2009. P. 26–37.
22. Sergeev A.P. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: pro and contra // Corporate lawyer. 2006. № 6 (Access from the Garant system).
23. On Amendments to Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (in terms of expanding the list of protected results of intellectual activity in the form of non-interchangeable tokens): Draft Federal Law № 126586-8. URL: <https://base.garant.ru/77150328/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f> (Date of access: 12.01.2023).
24. Gavasheli T.V. Systematization of legislation in Germany // Law and modern states. 2015. № 1. P. 29–34.
25. Kalmykov Yu.Kh. On the meaning of the general provisions of civil legislation // Favorites: Works. Articles. Speeches. M.: Statute, 1998. P. 261–273.